

Polylogos. 2013-2024

ISSN 2587-7011

URL - <http://polylogos-journal.ru>

All right reserved

№ 3 Volume 2. 2018

Ivan Turgenev as a political thinker (on the 200th anniversary of birth)

Alexey Kara-Murza

*Institute of Philosophy of RAS
Russian Federation, Moscow*

Abstract

The school course offered us the image of Turgenev as a "writer of Russian life", far from a deep understanding of political processes. The article suggests a different image of Turgenev as an intellectual of a wide range, professionally and deeply studied the world history (first of all, the political history of ancient Greece and Rome), well-oriented in modern Russian and European politics, and as a person who firmly called himself a "liberal old English cut".

Keywords list (en): Russian culture, philosophy of Russian history, political thought, Russian intelligentsia, liberalism

Date of publication: 08.11.2018

Citation link:

Kara-Murza A. Ivan Turgenev as a political thinker (on the 200th anniversary of birth) // Polylogos. – 2018. – V. 2. – № 3. URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110000050-7-1/>. DOI: 10.18254/S0000050-7-1

¹ Исследование истоков и эволюции политико-философских убеждений человека, тем более человека выдающегося, – дело столь же увлекательное, сколь и рискованное. Особенно, если речь идет не о кабинетном ученом-теоретике или, например, «чистом» политике, а о литераторе, гении образного мышления и мастере художественного слова. «Технически» не так сложно проследить истоки образованности, начитанности, даже энциклопедичности знаний Ивана

Сергеевича Тургенева¹. Гораздо сложнее понять историю становления душевного склада, мировосприятия Тургенева.

² Известный культуролог Г.С. Кнабе заметил однажды, что «признание Тургенева либералом, а его мировоззрения – либеральным образует одно из самых устойчивых клише истории литературы»: «Оно опирается на признания самого писателя, на суждения современников, на традицию литературоведения и сомнений вызывать не может. Сомнения возникают там, где требуется определить *содержание* такого либерализма» (курсив мой. – А.К)².

³ Для верного понимания *особого содержания* тургеневского либерализма Кнабе настаивает на учете двоякого понимания самого понятия «либерализм» во времена Тургенева, восходящее к аутентичной латинской этимологии этого слова, связанного с понятием «свободы»: *liber* – «свободный», и *liberalis* – «достойный свободного человека». В этом смысле, «либерал» в эпоху Тургенева – это, во-первых, человек, свободный, независимый от диктата власти, а во-вторых, – это личность, свободная, независимая от господствующих идей времени и диктата общественного мнения, от социальных и политических сил, эти идеи воплощающих.

⁴ В таком контексте можно согласиться с Кнабе, что Тургенев был либералом не только и, наверное, не столько, в первом, узко-политическом значении, сколько – и главным образом – во втором, глубинном смысле: «Отношение Тургенева к сложившейся универсальной духовной ситуации – всегда разобщенной, конфликтной, ориентированной на выбор – поражает свободой от предвзятых предпочтений. Он чаще всего стремится не выбирать между полюсами конфликта, а понять каждый, стремится исходить из противостояния, обнаруженного в жизни, а не подчинять ее односторонне понятой ценности – той, которая представляется говорящему более высокой»³. Но как сформировался этот своеобразный, не корпоративно-партийный, а глубоко личностный и нравственно окрашенный либерализм Тургенева?

⁵ Прежде всего, стоит подчеркнуть, что Иван Сергеевич Тургенев был не просто литератором (этот образ в обыденном сознании сложился под влиянием школьного курса, однобоко ориентированного и, в отношении Тургенева, политически выхолащенного), а *выдающимся интеллектуалом* с глубоким университетским образованием. Летом 1836 г. он окончил философский факультет Санкт-Петербургского университета по 1-му (словесному) отделению со степенью «действительного студента», а в январе 1837 г. успешно защитил выпускную работу на латинском языке «Об эпиграмме Гомера». В 1838–1839 гг. Тургенев продолжил занятия греческой и римской античностью в Берлинском университете, у таких европейских светил, как профессор древнегреческого языка и литературы Philipp August Böckh и профессор латыни и латинской литературы, академик Karl Gottlob Zumpt. Один из биографов Тургенева, литератор Борис Зайцев, писал об этом периоде жизни своего героя: «Берлинский университет дал ему знание древних языков – он всю жизнь свободно читал классиков»⁴. Так оно и было: в свой последний приезд в Россию в 1881 г. шестидесятитрехлетний Тургенев, по свидетельству его друга, Якова Полонского, «латинские книги читал еще легко и свободно»⁵.

6 ...В истории «эволюции души» каждого человека всегда можно обнаружить вехи, которые обозначают последовательность соприкосновений и сопереживаний с другими людьми, – людьми прошлого, даже отдаленного, и людьми настоящего, твоими современниками. В богатом семейном предании древнего рода Тургеневых, происходившего от татарского мурзы Тургена, приехавшего в 1440 г. из Орды на службу к московскому великому князю Василию Васильевичу, И.С. Тургенев особенно выделял две фигуры. В 1606 г. дворянин Петр Никитич Тургенев бесстрашно обличил в Кремле самозванца Лжедмитрия, за что был пытан и казнен отсечением головы на Лобном месте Красной площади. Другой Тургенев – Тимофей Васильевич, воевода в Царицыне, был зверски убит в 1670 г. в присутствии самого Стеньки Разина: его схватили, надели на шею веревку, привели на крутой берег Волги, прокололи копьем и утопили. Личное самостояние человека, опирающееся на внутреннюю силу, гордость и честь перед лицом как сильных мира сего, так и непросвещенной черни, – вот что выделял Иван Тургенев в обеих этих историях из жизни своих предков.

7 Что касается «современников», то в процессе своего нравственного становления сам Тургенев отмечал, прежде всего, влияние двух людей – Тимофея Николаевича Грановского и Николая Владимировича Станкевича. Знакомство с Грановским (тоже орловцем) состоялось в 1835 г. Тургенев вспоминал, что от Грановского веяло «веяло чем-то возвышенно-чистым; ему было дано редкое и благодатное свойство не убеждениями, не доводами, а собственной душевной красотой возбуждать прекрасное в душе другого, он был идеалист в лучшем смысле этого слова». «К нему, как к роднику близ дороги, – писал Тургенев, – всякий подходил свободно и черпал живительную влагу изучения, которая струилась тем чище, чем сам преподаватель меньше прибавлял в нее своего»⁶.

8 Будущий лидер русского университетского западничества и либерального просветительства, Грановский собственным примером показал Тургеневу, что либерализм (в глубинном смысле) – есть не декларативность и назидательство, а личное подвижничество, прежде всего духовное. Знакомство с Грановским было продолжено в Берлине, куда девятнадцатилетний Тургенев приехал для углубления своих познаний в области философии, истории и древних языков. Грановский и познакомил Тургенева с Николаем Станкевичем.

9 В биографической литературе о Тургеневе неоднократно отмечено, что тот с юных лет невзлюбил молодежную «кружковщину» – экзальтированно-восторженную и кланово-непримиримую. В этом смысле русский студенческий Берлин рубежа 1830-1840-х гг. представлял собой характерную картину, хорошо описанную Б.К. Зайцевым: «По русскому обыкновению, Гегеля обратили в идола. Поставили в капище и у дверей толпились молодые жрецы, начетчики и изуверы. Воевали и сражались из-за каждой мелочи. "Абсолютная личность", "перехватывающий дух", "по себе бытие" – из-за этого близкие друг другу люди расходились на целые недели, не разговаривали между собой». Коллективное помешательство русских студентов «на Гегеле», клановая борьба вызывали у студента Тургенева внутреннее раздражение. «Был ли слишком вообще одиночка? – задавался вопросом Зайцев. – Или слишком уже художник? Он любил сам говорить, но больше рассказывал, изображал. От кружков же его отталкивало

доктринерство, дух учительства. Тургенев смолоду любил духовную свободу, ведущую, конечно, к одиночеству»⁷.

¹⁰ Но как быть тогда со Станкевичем – бесспорным вожаком русских молодых гегельянцев в Берлине? Зайцев и здесь отвечает точно: «Станкевич... как раз никого не подавлял, ничего не навязывал и ни перед кем не блистал. Действовал тишиной и правдой. Можно было сколько угодно разглагольствовать о Гегеле и разных других модных предметах – Станкевич просто излучал нечто, и этим воспитывал... Вначале Станкевич держался отдаленно. Тургенев робел перед ним, внутренне стеснялся. Но очарование этого болезненного (иногда впрочем, и очень веселого) юноши было огромно. Тургенев в него влюбился. Попривыкнув, вошел в *воздух* Станкевича, в ту высокую искренность, простоту и вместе – всегдашний полет, которые для Станкевича характерны».⁸ Об этом же пишет и еще один биограф Тургенева, крупнейший итальянист Иван Михайлович Гревс (1860–1941): «Тело его (Тургенева. – *А.К.*) еще не терзалось никакими недугами, дух же открыто рвался в широкий мир, жадно поглощая чудеса, какие дарила ему судьба»⁹.

¹¹ Но еще более значительным для духовного становления Тургенева стало его почти ежедневное общение с Николаем Станкевичем в 1840 г. Риме. Хорошо описал этот процесс «перевоспитания» молодой души Тургенева тот же Зайцев: «Станкевич... *принял* Тургенева, полюбил таким, каков он был, ни белого, ни черного, а пестрого, живого Тургенева. И тем, что принял, любовью своей, его перевоспитывал... Главная прелесть жизни римской, конечно, вне дома, в блужданиях и экскурсиях. Тургенев со Станкевичем много выходили, много высмотрели... "Царский сын, не знавший о своём происхождении" (так называл друга впоследствии Тургенев) доблестно водил его по Колизеям, Ватиканам, катакомбам. Воспитание Тургенева продолжалось. Италия помогла царскому сыну отшлифовать другого юного принца, престолонаследника русской литературы. Именно в Италии, на пейзаже Лациума, вблизи "Афинской школы" и "Парнаса" Рафаэля, овладевал Тургеневым дух Станкевича – дух поэзии и правды. Прелестно, что и самую Италию увидал, узнал и полюбил он в юности. Светлый ее след остался навсегда в этом патриции». Тогда, в Риме, Тургенев, по его собственным словам, узнал про себя главное: «Перед одним человеком безоружен: перед собственным бессилием или если его духовные силы в борьбе... теперь враги мои удалились из моей груди, – и я с радостью, признав себя целым человеком, готов был с ними вступить в бой. Станкевич! Тебе я обязан своим возрождением, ты протянул мне руку и указал мне цель»¹⁰.

¹² Были, разумеется, и иные фигуры, оказавшие несомненное влияние на духовное становление молодого Тургенева: Михаил и Татьяна Бакунины, Виссарион Белинский, Петр Анненков, Василий Боткин... Но были и некие внешние *обстоятельства*, которые периодически побуждали будущего великого писателя делать тот или иной жизненный выбор. Что, например, побудило юного Тургенева отправиться за продолжением образования за границу?

¹³ «Запад» манил его еще в университете. По свидетельству младшего друга Тургенева, американского писателя Генри Джеймса, Тургенев часто вспоминал о годах своего студенчества: «В юности, когда я учился в Московском университете,

мои демократические тенденции и мой энтузиазм по отношению к североамериканской республике вошли в поговорку, и товарищи-студенты называли меня "американцем"»¹¹.

14   Переведясь из Московского университета в Петербургский и окончив там полный курс по филологическому факультету, Тургенев весной 1838 г. отправился доучиваться в Берлин. Через тридцать лет он описал мотивы этого шага во «Вступлении» к своим «Литературным и житейским воспоминаниям», открывавшими, в свою очередь, новое Собрание его сочинений: «Мне было всего девятнадцать лет; об этой поездке я мечтал давно. Я был убежден, что в России возможно только набраться некоторых приговорительных сведений, но что источник настоящего знания находится за границей... Стремление молодых людей – моих сверстников – за границу напоминало искание славянами начальников у заморских варягов. Каждый из нас точно так же чувствовал, что его *земля* (я говорю не об отечестве вообще, а о нравственном и умственном достоинстве каждого) велика и обильна, а порядка в ней нет». Тургенев вспоминал, что в 1838 г., покидая Россию и отправляясь в Германию, он «весьма ясно сознавал все невыгоды подобного отторжения от родной почвы, подобного насильственного перерыва всех связей и нитей, прикреплявших меня к тому быту, среди которого я вырос». Но – «делать было нечего»: «Тот быт, та среда и особенно та полоса ее, если можно так выразиться, к которой я принадлежал: полоса помещичья, крепостная, не представляли ничего такого, что могло бы удержать меня. Напротив, почти все, что я видел вокруг себя, возбуждало во мне чувства смущения, негодования – отвращения, наконец. Долго колебаться я не мог. Надо было либо покориться и смиренно побрести общей колеей, по избитой дороге; либо отвернуться разом, оттолкнуть от себя "всех и вся", даже рискуя потерять многое, что было дорого и близко моему сердцу. Я так и сделал... Я бросился вниз головою в "немецкое море", долженствовавшее очистить и возродить меня, и когда я, наконец, вынырнул из его волн – я все-таки очутился "западником", и остался им навсегда»¹².

15   В 1842 г., уже в России, Иван Тургенев успешно сдал магистерские экзамены в расчете получить место профессора философии в одном из столичных университетов, но цепочка случайностей помешала этому – судьба словно расчищала ему путь к иному поприщу. Когда в 1847 г. Тургенев снова и надолго уезжал в Европу, его антикрепостнические убеждения были уже окончательно сформированы. «Я не мог дышать одним воздухом, оставаться рядом с тем, что возненавидел; для этого у меня, вероятно, не доставало надлежащей выдержки, твердости характера, – писал он в 1868 г. – Мне необходимо нужно было удалиться от моего врага затем, чтобы из самой моей дали сильнее напасть на него. В моих глазах враг этот имел определенный образ, носил известное имя: враг этот был – крепостное право. Под этим именем я собрал и сосредоточил все, против чего я решился бороться до конца, – с чем я поклялся никогда не примиряться... Это была моя Аннибаловская клятва; и не я один дал ее себе тогда. Я и на Запад ушел для того, чтобы лучше ее исполнить...»¹³. Добавим, что в этом описании причин своего «исхода на Запад» Тургенев выставляет на первый план мотивы исключительно идейные и умалчивает о «сердечных». Между тем немалую роль в его тогдашней поездке сначала в Германию, а затем во Францию, – и друзьям это

было отлично известно – сыграло его увлечение испано-французской певицей Полиной Виардо-Гарсиа...

¹⁶ Три года Тургенев провел тогда за границей и лишь в 1850 г. вернулся в Россию, уже известным автором, и в первую очередь – «Записок охотника», в которых Иван Аксаков увидел «стройный ряд нападений, целый батальонный огонь против помещичьего быта России». А весной 1852 г. Тургенев неожиданно обрел на родине печальный опыт месячной тюремной «отсидки», а потом и годичной ссылки в Спасское за, как ему казалось, достаточно безобидную провинность – публикацию некролога на смерть Н.В.Гоголя, напечатанного в одном из московских журналов. Демонстративная и неадекватная жестокость властей, похоже, нанесла Тургеневу сильнейшую и до конца жизни не изжитую травму. Он пытался тогда апеллировать к наследнику престола, великому князю Александру Николаевичу; меры в отношении Тургенева были действительно несколько смягчены (в 1853 г. ему было разрешено посещать столицу), и писатель посчитал это прямым следствием вмешательства Цесаревича.

¹⁷ Кончина императора Николая Павловича и воцарение Александра II, окончание Крымской войны сыграли важную роль в судьбе многих русских интеллектуалов. О серьезных реформах пока не было речи, но тысячи русских вновь получили возможность свободно выезжать за границу. Получил заграничный паспорт и Тургенев: «Позволение ехать за границу меня радует, – писал он в июне 1856 г. графине Ламберт, – и в то же время я не могу не сознаться, что лучше было бы для меня не ехать. В мои годы уехать за границу – значит: определить себя окончательно на цыганскую жизнь и бросить все помышления о семейной жизни. Что делать! Видно такова моя судьба. Впрочем, и то сказать: люди без твердости в характере любят сочинять себе "судьбу"; это избавляет их от необходимости иметь собственную волю – и от ответственности перед самими собою». Причины такого положения Тургенев объяснил далее особенностями русской жизни: «У нас нет идеала – вот отчего все это происходит. А идеал дается только сильным гражданским бытом, искусством (или наукой) и религией. Но не всякий родится афинянином или англичанином, художником или ученым – и религия не всякому дается – тотчас. Будем ждать и верить – и знать, что пока мы дурачимся. Это сознание все-таки может быть полезным».

¹⁸ Когда-то Европа дала Тургеневу возможность сначала учиться, а потом свободно писать, но она не могла ему, русскому писателю, гарантировать душевный комфорт всякий раз. Как и предвидел Тургенев, Париж середины 1850-х годов не стал для него вожделенным раем, стимулирующей творчество. Более того, письма самым близким людям обнаруживают, напротив, тяжелейший нравственный и творческий кризис: «Обанкротился человек – и полно; толковать нечего. Я постоянно чувствую себя сором, который забыли выместить... Третьего дня я не сжег (потому что боялся впасть в подражание Гоголю), но изорвал и бросил в water-closet все мои начинания, планы, и т.д. Все это вздор. Таланта с особенной физиономией и целостностью у меня нет – были поэтические струнки, да они прозвучали и отзвучали – повторяться не хочется – в отставку! Это не вспышка досады ... это выражение или плод медленно созревших убеждений» (из письма В.П.Боткину 11 февраля 1857 г.); «О себе говорить много нечего: я переживаю – или, может быть, доживаю нравственный и физический кризис, из

которого выйду либо разбитый вдребезги, либо... обновленный! Нет, куда нам до обновления – я подпертый, вот как подпирается бревнами завалившийся сарай. Бывают примеры, что такие подпертые сараи стоят весьма долго и даже годятся на разные употребления» (из письма П.В. Анненкову 3 апреля 1857 г.)¹⁴. Некоторый шанс на выход из тупика дала поездка в Германию, на Рейн, где Тургенев начал свою «Асю». Но подлинный прилив творческих сил произошёл позднее, в Италии, где – отметим важное обстоятельство – активное сочинительство сопровождалось столь же активным участием в либеральных политических проектах.

¹⁹ Приехав в Рим в ноябре 1857 г., Тургенев сделал ставку на уже знакомый ему «Вечный город», как на свой последний шанс: «Если я и в Риме ничего не сделаю – останется только рукой махнуть. В человеческой жизни есть мгновенья перелома, мгновенья, в которые прошедшее умирает и зарождается нечто новое. Горе тому, кто не умеет их чувствовать и либо упорно придерживается мертвого прошедшего, либо до времени хочет вызвать к жизни то, что еще не созрело. Часто я погрешал то нетерпением, то упрямством; хотелось бы мне теперь быть поумнее. Мне скоро сорок лет; не только первая и вторая, третья молодость прошла, и пора мне сделаться если не дельным человеком, то, по крайней мере, человеком, знающим, куда он идет и чего хочет достигнуть. Я ничем не могу быть, как только литератором, – но я до сих пор был больше дилетантом. Этого вперед не будет» (из письма Е.Е. Ламберт 3 ноября 1857 г.)¹⁵.

²⁰ И, действительно, осень, а потом зима и весна 1857-1858 гг. стали важнейшими в судьбе Тургенева: тогда, в Риме, он, несмотря на досадные приступы застарелой болезни, закончил повесть «Ася» и начал «Первую любовь» и «Дворянское гнездо» – переломные вещи в его творчестве. Об этом, втором посещении Тургеновым Рима литератор Борис Зайцев (сам известный «римский обожатель») красиво написал в своей «Жизни Тургенева»: «Осень и Рим шли к его настроению. Некогда этот Рим наполнял красотой молодую его душу. Теперь помогал изживать горе. Виардо ему не писала – не отвечала на письма... Риму и надлежало перевести Тургенева с одного пути на другой. Нелегко это давалось. Рим пустил в ход все свои прельщения... Вечность входила в него, меняла, лечила... Иногда болезнь неприятно раздражала и томила. Темные мысли – о судьбе, смерти, бренности – именно с этого времени крепче в нем гнездятся. И всё-таки Рим врачевал»¹⁶.

²¹ Параллельно с литературной работой, Тургенев в Риме был постоянным участником политического кружка, собиравшегося в салоне великой княгини Елены Павловны и сыгравшего большую роль в идейной подготовке будущих «великих реформ». Участниками этого «римского кружка» были будущие известные деятели реформ князь В.А. Черкасский, князь Д.А. Оболенский, Н.Я. Ростовцев, баронесса Э.Ф. Раден и др.

²² Как и его товарищи, Тургенев в Риме жадно следил за событиями на родине. «Я здесь, в Риме, все это время много и часто думаю о России – что в ней делается теперь?» – вопрошал Тургенев в письме к Е.Е. Ламберт. В европейских газетах тогда чуть ли не ежедневно писали о строительстве в Англии самого большого в мире парохода «Левиафан», и Тургенев сравнивал с этим гигантом огромную Россию, готовившуюся встать на путь реформ: «Двинется ли этот

Левиафан (подобно английскому) и войдет ли в волны, или застрянет на полпути? До сих пор слухи приходят все только благоприятные; но затруднений бездна, а охоты, в сущности, мало. Ленив и неповоротлив русский человек, и не привык ни самостоятельно мыслить, ни последовательно действовать. Но нужда – великое слово! – поднимет и этого медведя из берлоги»¹⁷.

²³ Тургенева радовали первые шаги нового императора Александра II. Особенно вдохновили его смелые рескрипты об учреждении комитетов для обсуждения крестьянского вопроса, в которых официально заявлялось о необходимости начать подготовку к освобождению крестьян от крепостной зависимости. Думая о возвращении в Россию, Тургенев предполагал лично включиться в дело крестьянского освобождения. В конце 1857 г. он сообщал из Рима Л.Н. Толстому, что «решил посвятить весь будущий год на окончательный раздел с крестьянами, – хоть все им отдам, а перестану быть "барином". На это я совершенно твердо решился, и из деревни не выеду, пока всего не кончу».¹⁸ Свое возвращение в Россию Тургенев связывал и с началом серьезной общественной деятельностью: 9 января 1858 г. он отправил в Петербург «записку» одному из лидеров российской «реформаторской партии» А.В. Головнину (будущему министру народного просвещения), где подробно изложил идею издания специализированного журнала «Хозяйственный указатель», должного объединить эмансипаторские принципы с прагматикой аграрного дела.

²⁴ Между тем, некоторые другие известия из России не могли не настораживать Тургенева. Он, в частности, заметил попытки отдельных чиновных карьеристов второго ряда, приодевшихся во входящие в моду одежды «либералов», устроить погром русского славянофильства, используя само понятие «либерализм» как административную дубинку для сведения личных счетов. Настоящий русский либерал Иван Тургенев направил тогда в европейскую прессу статью в защиту славянофилов, подчеркнув их бесспорные гражданские достоинства, их роль в деле борьбы за русскую свободу. Западник Тургенев не ошибся в своих друзьях: такие лидеры славянофильства, как Ю.Ф. Самарин или князь В.А.Черкасский сыграли большую роль в подготовке и осуществлении «великих реформ».

²⁵ Можно сказать, что именно на рубеже 1850-1860-х гг. у И.С. Тургенева окончательно сложился тот либерально-западнический мировоззренческий комплекс, который был впоследствии кратко изложен во «Вступлении» к новому Собранию сочинений. Именно этот небольшой текст, написанный в Баден-Бадене в 1868 г., можно считать подлинным credo зрелого Тургенева. Отвечая на распространенные среди русских консерваторов упреки в «непатриотизме», Тургенев написал тогда: «Я не думаю, чтобы мое западничество лишило меня всякого сочувствия к русской жизни, всякого понимания ее особенностей и нужд. "Записки охотника", эти, в свое время новые, впоследствии далеко опереженные этюды, были написаны мною за границей; некоторые из них – в тяжелые минуты раздумья о том: вернуться ли мне на родину, или нет?». «Мне могут возразить, – продолжает заочную полемику с оппонентами Тургенев, – что та частичка русского духа, которая в них ("Записках охотника". – А.К.) замечается, уцелела не по милости моих западных убеждений, но несмотря на эти убеждения и помимо

моей воли. Трудно спорить о подобном предмете; знаю только, что я, конечно, не написал бы "Записок охотника", если б остался в России»¹⁹.

²⁶ В противовес вновь окрепшим тогда в России охранителям-самобытникам, понимающим патриотизм как примитивное антизападничество, Тургенев прямо декларировал выношенную им идею о том, что Россия – неотъемлемая часть Европы, и восточные славяне по историческому праву принадлежит к семье европейских народов: «Скажу также, что я никогда не признавал той неприступной черты, которую иные заботливые и даже рьяные, но малосведущие патриоты непременно хотят провести между Россией и Западной Европой, той Европой, с которой порода, язык, вера так тесно ее связывают. Не составляет ли наша, славянская раса – в глазах филолога, этнографа – одной из главных ветвей индо-германского племени? И если нельзя отрицать воздействия Греции на Рим и обоих их вместе на германо-романский мир, то на каком же основании не допускается воздействие этого – что ни говори – родственного, однородного мира на нас?»²⁰. По мнению Тургенева, люди, которые под видом защиты самобытных начал стараются отлучить Россию от Европы, демонстрируют как раз крайнее неверие в русскую самобытность: «Неужели же мы так мало самобытны, так слабы, что должны бояться всякого постороннего влияния и с детским ужасом отмахиваться от него, как бы он нас не испортил? Я этого не полагаю: я полагаю, напротив, что нас хоть в семи водах мой, – нашей, русской сути из нас не вывести. Да и что бы мы были, в противном случае, за плохонький народец!» Тургенев ссылается при этом на собственный пример естественного соединения самобытной русскости и европейского универсализма: «Я сужу по собственному опыту: преданность моя началам, выработанным западною жизнью, не помешала мне живо чувствовать и ревниво оберегать чистоту русской речи. Отечественная критика, взводившая на меня столь многочисленные, столь разнообразные обвинения, помнится, ни разу не укоряла меня в нечистоте и неправильности языка, в подражательности чужому слогу»²¹.

²⁷ Именно на этих общих принципах И.С. Тургенев старался твердо стоять в 1860-1870-е гг., апеллируя одновременно и к русскому обществу, и к правительственным верхам, и к тем из своих друзей (например, А.И. Герцену), которые все больше уходили от здравого конструктивного европеизма в сторону революционного радикализма и возрождаемой на новый манер «русской исключительности».

²⁸ Положение либерала-центриста, стремящегося не впасть ни в охранительное чинопочитания, ни в радикальный нигилизм, – всегда непросто, часто – драматично. Парадоксально, но Тургеневу всегда в жизни больше нравились активные, пусть идеалистически настроенные, «Дон-Кихоты», нежели излишне рассудочные «Гамлеты» (у писателя даже есть работа, построенная на сопоставлении этих двух «типов»). В тогдашней европейской политике его больше увлекали люди типа бесстрашного революционера Гарибальди, нежели осторожного либерала Кавура – либерал Тургенев прекрасно отдавал себе отчет в этом явном противоречии. «Какая каша происходит в Италии! – писал он 1 августа 1859 г. П.В. Анненкову. – Вот где бы хорошо провести с месяц. Одно беда: пожалуй, досада возьмет нашего брата, исконного зрителя – и заставит сделать какую-нибудь глупость. Вдруг закричишь: viva (да здравствует. – *ит.*) Garibaldi

или: а basso (долгой. – *ит.*) кого-нибудь другого – и глядь, с трех сторон розги хлещут по спине. В молодые годы это только кровь полирует; под старость – стыдно, или, как говорил при мне один отечески наказанный мужик лет 50: "оно не то что больно, а перед бабой зазорно". У нас с Вами бабы нет, а всё – зазорно...²²»

²⁹ Поклонник европейского прогресса, Тургенев верил в разумное преобразование мира и даже иногда называл это рукотворное чудо – «революцией». Но грязной стороны революций он боялся, более рассчитывая на «реформаторство сверху». Он, например, искренне симпатизировал императору Александру Николаевичу, верил в его личное расположение к себе. В конце 1860 г. Тургенев составил даже (но так в итоге и не отправил) специальный «коллективный адрес» императору с изложением ряда принципов, серьезность которых дало основание народнику-эмигранту П.Л. Лаврову говорить об этом документе, как о «проекте конституции».

³⁰ В тексте «адреса» Тургенев прямо указал, что полностью отдает себе отчет в том, что подобное «выражение искренних убеждений... может встретить недоверие» со стороны царя, ибо «в нынешние смутные времена самое правдивое слово потеряло свою силу, самые чистые намерения возбуждают сомнение». Тургенев поспешил от имени «инициаторов» заверить императора: «Мы принадлежим к числу людей, которые верят в Вас; которые не только не мыслят о перемене правительства, но взывают к власти. Мы не забыли и вся Россия не забудет вместе с нами, что эта власть освободила крестьян! (к моменту начала распространения «адреса» освобождение крестьян от крепостной зависимости считалось делом решенным. – *А.К.*) Мы верим в Вас, государь, но мы желаем также разумных свобод нашему отечеству, правильного и успешного развития нашим силам. Мы честно и откровенно приближаемся к престолу и просим нашего царя выслушать голос общественного мнения, обратить внимание на желание его народа»²³. Тургеневский «адрес» декларировал ряд важных принципов: полную отмену телесных наказаний; гласность судопроизводства; прозрачность государственных доходов и расходов; расширение полномочий земства; сокращения срока солдатской службы; уравнивание в правах староверов с прочими подданными.

³¹ Характерно, что Тургенев, как автор «адреса», точно воспроизвел классическую либеральную логику рассуждений, восходящую к знаменитым «Трактатам о политическом правлении» англичанина Джона Локка. Смысл этой логики таков: либеральные преобразования есть меры неизбежные необходимые, призванные укрепить, а не ослабить государственный порядок. «Государь! Вам скажут, что подобные слова преступны или безумны; назовут нашу просьбу требованием и прибавят, что уступать подобному требованию – значит вывести страну на путь насильственных переворотов; но мы умоляем Ваше величество не верить тем, которые будут говорить так. Мы, напротив, смеем думать, что удовлетворив справедливые желания Вашего народа, Вы навсегда устраните возможность таких потрясений, соберете вокруг себя все лучшее, все живые силы общества, подсечете под корень всякие нетерпеливые и необдуманные увлечения».

³² В завершение «адреса» Тургенев напомнил, что император Александр Николаевич сам уже успешно действовал в этой либеральной логике – подразумевалось, в том числе, обращение Александра II к московскому дворянству весной 1856 г., ставшее прологом целенаправленной работы по крестьянскому освобождению. «Государь, Вам угодно было сказать некогда, собравши дворян: "Дайте мне возможность стать за вас...". Дайте же и нам, всем Вашим подданным, возможность дружно и твердо встать за Вас, как за нашего вождя, не допустите мысли о разъединении блага России с Вашей властью, процветанием Вашего дома... Вы уже много сделали..., двиньтесь вперед по начатому Вами пути, и мы все пойдем за Вами»²⁴.

³³ Перспективу распространения своего «адреса» с целью его подписания «серьезными людьми» Тургенев связывал с Артуром Бенни, идеалистом-англичанином, с которым его познакомил Герцен. Однако миссия Бенни, который до конца скрывал имя автора, успехом не увенчалась: «серьезные люди» обращения к царю не подписали, и, в конечном счете, «адрес» так и не был отправлен императору. В довершение всего, Бенни получил еще и разнос в Лондоне от А.И.Герцена, в благожелательной поддержке которого ранее не сомневался. «Предполагаемый вами адрес мог бы, при теперешней реакции, погубить вас и многих, – выговаривал ему Герцен. – Адрес умеренный, о котором вы пишете, может, и не дурен (хотя о главном вопросе – о выкупе крестьянских земель, там и не упомянуто), но вы вряд ли успеете что-нибудь сделать... Недостаточно иметь верную мысль, надобно ясно знать средства под руками»²⁵.

³⁴ Надеясь на «реформы сверху», Тургенев старался всемерно умерить антиправительственный пыл своего друга Герцена, эмигрировавшего в 1847 г. из России. Высоко оценивая роль герценовского «Колокола», Тургенев долгое время пытался корректировать его тактику. Он был уверен, что «Колокол» не должен огульно критиковать русскую власть вообще и по любому поводу, а, напротив, поощрять и поддерживать любые ее реформаторские начинания. Это касалось, в первую очередь, действий самого императора Александра II, который, по мнению Тургенева, лично желает реформ, но вынужден считаться с консервативной партией в своем окружении. 26 декабря 1857 г. Тургенев писал из Рима Герцену: «Не брани, пожалуйста, Александра Николаевича, а то его и без того жестоко бранят в Петербурге все реаки (реакционеры. – А.К.). За что же его эдак с двух сторон тужить – эдак он, пожалуй, и дух потеряет»²⁶.

³⁵ Тургенев также советовал Герцену активнее поддерживать и без особой нужды не критиковать либеральную группу в правительстве, которую тогда возглавляли великий князь Константин Николаевич (младший брат императора) и другой лидер реформаторов – Александр Васильевич Головнин. В письме Герцену в Лондон от 20 декабря 1860 г. Тургенев передавал просьбу русских либералов-постепеновцев: «Также просят тебя очень щадить великого князя Константина Николаевича в твоём журнале, потому что, между прочим, он, говорят, ратоборствует, как лев, в деле эмансипации против дворянской партии – и каждое твое немилостивое слово больно отзывается в его чувствительном сердце». В другом письме, от 30 января 1862 г. Тургенев просит Герцена уже за Головнина, назначенного незадолго до того управляющим министерством народного просвещения: «В России точно кутерьма, но прошу тебя убедительно, не трогай

пока Головнина. За исключением двух, трех вынужденных и то весьма легких уступок, все, что он делает – хорошо... Я получаю очень хорошие известия о нем. Не беспокойся; если он свихнется, мы тебе его "придставим", как говорят мужики, приводя виноватых для сечения в волость...»²⁷. Однако «дружеские советы» Тургенева все менее и менее принимались в расчет Герценом – бывших друзей все более разделяли не только тактические, но и глубокие мировоззренческие различия.

³⁶ Место И.С. Тургенева в русской общественной жизни было парадоксальным: радикалы считали его чуть ли охранителем, сами охранители, напротив, – чуть ли не радикалом. Любое новое произведение писателя тут же попадало под пристальный анализ партийных интерпретаторов на предмет того, «что на самом деле хотел сказать и на чьей стороне автор?»

³⁷ Тургенев как-то отметил, что после выхода романа «Отцы и дети» в русском обществе сложилась ситуация, которая его глубоко расстроила и обеспокоила: ему пришлось даже написать специальную статью «По поводу "Отцов и детей"» (1869), где он попытался показать, что в своем литературном творчестве он руководствуется художественными, а не политическими принципами. «Не однажды слышал я и читал в критических статьях, – отмечал Тургенев, – что я в моих произведениях "отправляюсь от идеи" или "провожу идею"; иные меня за это хвалили, другие, напротив, порицали; с своей стороны, я должен сознаться, что никогда не покушался "создавать образ", если не имел исходною точкою не идею, а живое лицо, к которому постепенно примешивались и прикладывались подходящие элементы». «Господа критики, – продолжал писатель, – вообще не совсем верно представляют себе то, что происходит в душе автора... Они вполне убеждены, что автор непременно только и делает, что "проводит свои идеи", не хотят верить, что точно и сильно воспроизвести истину, реальность жизни – есть высочайшее счастье для литератора, даже если эта истина не совпадает с его собственными симпатиями». И далее Тургенев привел действительно удивительный и показательный пример: «Я – коренной, неисправимый западник, и нисколько этого не скрывал и не скрываю, однако я, несмотря на это, с особенным удовольствием вывел в лице Паншина (в "Дворянском гнезде") все комические и пошлые стороны западничества; я заставил славянофила Лаврецкого "разбить его на всех пунктах". Почему я это сделал – я, считающий славянофильское учение ложным и бесплодным? Потому, что *в данном случае – таким именно образом, по моим* понятиям, сложилась жизнь, а я, прежде всего, хотел быть искренним и правдивым»²⁸.

³⁸ Однако странная судьба его художественных произведений, и, в первую очередь, «Отцов и детей» в какой-то момент побудила Тургенева искать новые формы литературного самовыражения. В романе «Дым» (1867) он, в форме сатирического памфлета, по сути дела «симметрично» разоблачил и высмеял обе «русские партии», Реакцию и Революцию – и «генералов-охранителей» (баденский «кружок Ратмирова») и «нигилистов-радикалов» («кружок Губарева»). Более чем за десять лет до «пушкинских торжеств» в Москве, Тургенев уже дал свой, либеральный ответ на ту проблему, которую, казалось, так остро поставил Достоевский в 1880 г. в своей знаменитой «пушкинской речи». Концовка той речи: «Смирись, гордый человек! Потрудишься, праздный человек!», заставила, как

известно, дружно аплодировать как русских западников, так и славянофилов (высоко оценил речь и присутствовавший Тургенев).

³⁹ Диагноз беды – наступающего на Отечество в двуединой форме – гордыни и праздности – «нового варварства» был поставлен Достоевским верно, но вот «изгонять», как известно, он призывал главным образом «бесов-нигилистов». То, что новое варварство может прийти в Россию не только снизу, из подполья, но и с самого самодержавно-бюрократического верха – такую опасность бывший узник «Мертвого дома», а ныне убежденный консерватор, похоже, в расчет уже не брал.

⁴⁰ Но в 1867 г. либерал И.С. Тургенев показал: «дым» заволакивает и одолевает русскую жизнь с обеих сторон; не только со стороны «нигилистов», но и со стороны «охранителей». Обе «партии» вполне стоят друг друга; обе обуяны беспредельной гордыней (т.е. абсолютно нечувствительны к какой-либо критике и считают свой корпоративный мирок единственно правильным), и обе же абсолютно праздны и социально непродуктивны. В «Дыме», вопреки литературоведческим изысканиям, нет – да и не задумывалось – «положительных героев». Не являются таковыми ни Литвинов, ни Ирина, ни даже западник-резонер Потугин, хотя он и высказывает некоторые близкие автору-Тургеневу идеи. Тургенев, похоже, вообще иронизирует в «Дыме» над необходимостью выведения «положительного героя». Проветрить и очистить Россию от опасных «дымов» должны не герои-одиночки, а принципиально новые общественные отношения, способные превратить вчерашних «одиночек» в социально значимый и достаточно распространенный тип личности.

⁴¹ Между тем, русское общество, похоже, совсем не поняло глубинно либеральной, т.е. принципиально надпартийной сути романа Тургенева. «Объективные» авторы в десятках рецензий бросились взвешивать, кого Тургенев разоблачил больше: «ратмировцев» или «губаревцев»? Клань активно включилась в политическую интерпретацию «Дыма». Имели место молодежные сходки, в т.ч. среди русских студентов за границей, на которых молодые радикалы «выносили порицания» писателю «за критику демократии и революции». Не отстали и сановные охранители: собравшиеся в Английском клубе генералы совсем было собрались писать «коллективное письмо» Тургеневу, где отказывали ему в своем обществе. Писатель потом досадовал, что его приятель В.А. Соллогуб «отговорил их тогда от этого, растолковав им, что это будет очень глупо». «Подумайте, – восклицал Тургенев, – какое бы торжество было для меня получить такое письмо? Я бы его на стенке в золотой рамке повесил!²⁹»

⁴² Однако весной 1879 г. случилось неожиданное, в первую очередь, для самого И.С.Тургенева. Критикуемый еще недавно со всех сторон, он, приехав в Россию, обнаружил свою крайнюю востребованность в новой, снова качнувшейся к либерализму общественной ситуации. П.Л.Лавров писал: «Не только либералы более взрослого поколения видели в нем наиболее честное и чистое воплощение своих стремлений, но и радикальная молодежь разглядела в Иване Сергеевиче подготовителя ее борьбы, воспитателя русского общества в тех гуманных идеях, которые, *надлежащим* образом понятые, должны были фатально привести к революционной оппозиции русскому императорскому самодурству»³⁰.

43 Обе русские столицы встретили писателя триумфом. Когда 13 марта Тургенева чествовали петербургские профессора и литераторы, он высказал идею единения всех культурных людей России. Отдельно обратившись к молодежи, он пожелал, чтобы в Отечестве сбылись, наконец, слова из пушкинских «Стансов», немного переиначенные оратором: «В надежде славы и добра глядим вперед мы без боязни...». Печать разных направлений поспешила отметить: то был прямой намек на Конституцию. Через некоторое время в номер Тургенева на четвертом этаже гостиницы «Европейская» явился флигель-адъютант императора «с деликатнейшим вопросом»: «Его Императорское Величество интересуется знать, когда Вы, Иван Сергеевич, думаете отбыть за границу?»...

44 Вернувшись в Париж, Тургенев в первых числах апреля 1879 г. имел интересную беседу с видным немецким дипломатом Хлодвигом Гогенлоэ. Тот потом вспоминал, что русский писатель был поражен, что в России его чествовали как политика. Сам Тургенев объяснял это тем, что русское общество начало понимать, что только либералы способны предложить объединяющую идею, но беда в том, что правительство все еще отождествляет либералов с нигилистами-заговорщиками. Тургенев, по словам Гогенлоэ, напротив, считал, что поддержав либералов, правительство может привлечь на свою сторону большинство общества. «Неверно утверждают некоторые, что в России нет людей, способных к руководству делами», – говорил Тургенев и с ходу назвал с десятков дельных провинциальных либеральных чиновников и юристов. Однако, если момент будет упущен, наступит общий крах, ибо революция не способна принести стране пользу. Свои мемуары опытный политик Гогенлоэ (впоследствии, как известно, ставший рейхс-канцлером и прусским министром-президентом) заключил весьма характерным образом: «Если бы я был царем Александром, я бы поручил Тургеневу составить кабинет...»³¹.

45 Уже через несколько дней из России пришла весть о новом покушении террористов на императора. Тургенев почти сразу написал Я.П. Полонскому: «Последнее безобразное известие меня сильно смутило, предвижу, как будут иные люди эксплуатировать это безумное покушение во вред той партии, которая, именно вследствие своих либеральных убеждений, больше всего дорожит жизнью государя, так как только от него и ждет спасительных реформ: всякая реформа у нас в России, не сходящая свыше, немислима. Все это прекрасно... но в результате выйдет то, что именно эта партия и пострадает... Очень я этим взволнован и огорчен... вот две ночи, как не сплю: все думаю, думаю – и ни до чего додуматься не могу»³².

46 Летом 1879 г. И.С. Тургенев получил за свои «литературные заслуги» степень доктора естественного права Оксфордского университета. Понятные радость и удовлетворение омрачались печальным предчувствием: «То-то, я воображаю, на меня прогневаются иные господа в любезном отечестве!»³³

47 В 1880 г. И.С. Тургенев решил снова непременно ехать в Россию, чтобы лично ответить на новую волну травли в охранительной прессе, третировавшей его чуть ли не за «тайные симпатии к террористам». Тогда в «Вестнике Европы», редактируемом другом Тургенева, либералом М.М. Стасюлевичем, был напечатан ответ Тургенева на оскорбления одного из самых ретивых его критиков, писавшего

в «Московских новостях» под именем «Иногородний обыватель». «Если бы г. "Иногородний обыватель", – так начал свой ответ Тургенев, – ограничился одними посильными оскорблениями, я бы не обратил на них никакого внимания, зная, из какой "кучи" идет этот гром; но он позволяет себе заподозрить мои убеждения, мой образ мыслей, – и я не имею права отвечать на это одним презрением... В глазах нашей молодежи – так как о ней идет речь – в ее глазах, к какой бы партии она не принадлежала, я всегда был и до сих пор остался "постепеновцем", либералом старого покроя в английском династическом смысле, человеком, ожидающим реформ только свыше, – принципиальным противником революций...³⁴»

⁴⁸ Среди множества встреч, состоявшихся у приехавшего в 1880 г. в Россию Тургенева, была и встреча с «демократическими литераторами», на квартире у Г.Успенского. Один из молодых писателей, Н. Русанов, задал тогда Тургеневу непростой вопрос: не думает ли он, что в России «на носу революция»? Разве нет сходства нынешней России с предреволюционной Францией конца XVIII века? Тургенев возразил: «В то время во Франции было могущественное оппозиционное течение, и все мыслящие люди, несмотря на различные мнения, соглашались в одном: старый строй должен быть заменен новым». Но так ли единодушны сегодня общественные силы России? В стране есть реакционеры, либералы, реакционеры и их взгляды прямо противоположны. «А пока нет общего могучего течения, в котором сливались бы оппозиционные ручьи, – заключил Тургенев, – о революции, мне кажется, рановато говорить»³⁵.

⁴⁹ Весной 1882 г. во Франции у Тургенева обнаружились первые признаки смертельной болезни: привычные, казалось, подагрические боли врачи диагностировали как прогрессирующий рак позвоночника. Иван Сергеевич скончался 22 августа 1883 г. в Буживале близ Парижа. Отпевание прошло в православном соборе св. Александра Невского на улице Дарю; на Северном вокзале Парижа была устроена «траурная часовня», где состоялся митинг перед отправкой свинцового гроба в Россию.

⁵⁰ Первым выступил знаменитый французский историк и писатель Жозеф Эрнест Ренан. Один из русских слушателей подробно записал его речь: «Он характеризовал Тургенева, как представителя массы народа, которая в целом безгласна и может только чувствовать, не умея ясно выразить свои мысли. Ей нужен истолкователь, нужен пророк, который говорил бы за нее, умел бы изобразить ее страдания, отвергаемые теми, кому выгодно их не замечать, – ее назревшие потребности, идущие вразрез с самодовольством меньшинства. Таким человеком по отношению к своему народу был в своих произведениях Тургенев, соединяя в себе впечатлительность женщины с нечувствительностью анатома и разочарованность мыслителя с нежностью ребенка». Выступивший затем от имени французских литераторов Эдмон Абу сказал, что «для славы умершего не нужен будет величавый памятник, а несравненно дороже будет простой обрывок разорванной цепи на белой мраморной плите...³⁶»

⁵¹ Следование тела Тургенева по России – России уже Александра III – вызвало чрезвычайные опасения у новых руководителей русских охранных ведомств графа Д.А.Толстого и В.К.Плеве, отдавших приказ до предела сократить

остановки траурного поезда и беспощадно отсекал людей, желающими попрощаться с Тургеневым. Ездивший на пограничный пункт Вержболово, чтобы принять печальный груз, друг Тургенева, историк и журналист М.М.Стасюлевич, наблюдая многочисленные препятствия, чинимые траурному кортежу, написал впоследствии, что можно было подумать, что по России везут не прах великого писателя-гуманиста, а самого «Соловья-разбойника»...³⁷

Remarks:

1. См.: *Кара-Мурза А.А.* Иван Сергеевич Тургенев: «Я всегда был «постепеновцем», либералом старого покроя // *Российский либерализм: идеи и люди* (общ. ред. А.А. Кара-Мурзы). М., Новое издательство, 2018, т. 1. С. 279-295.
2. *Кнабе Г.С.* Тургенев, античное наследие и истина либерализма: Сравнительная поэтика // *Вопросы литературы*, 2005, № 1. С. 84.
3. Там же. С. 84-85.
4. *Зайцев Б.К.* Жизнь Тургенева // *Зайцев Б.К.* Собрание сочинений в пяти томах. Т. 5. М., Русская книга, 1999. С. 36.
5. *Полонский Я.П.* И.С. Тургенев у себя в его последний приезд на родину // *И.С. Тургенев в воспоминаниях современников*. Т. 2. М., Художественная литература, 1983. С. 392.
6. См.: *Кара-Мурза А.А.* Иван Сергеевич Тургенев... С. 280-281.
7. *Зайцев Б.К.* Жизнь Тургенева // *Зайцев Б.К.* Собрание сочинений в пяти томах. Т. 5. М., Русская книга, 1999. С. 36.
8. Там же. С. 36-37.
9. *Гревс И.М.* Тургенев и Италия (культурно-исторический этюд). Л., издательство Брокгауз-Ефрон, 1925. С. 24.
10. Там же. С. 50. См. также: *Кара-Мурза А.А.* Знаменитые русские о Риме. М., издательство Ольги Морозовой, 2014. С. 189-190; *Жукова О.А.* К интеллектуальной истории русского европеизма // *Философские науки*. 2014. № 1. С. 103–115; *Жукова О.А.* Философия культуры Николая Станкевича: к вопросу о русском европеизме // *Вопросы философии*, 2014, № 7. С. 81–89. .
11. *Кара-Мурза А.А.* Иван Сергеевич Тургенев... С. 283.
12. Там же.
13. Там же. С. 283-284.
14. Там же. С. 285.
15. Там же. С. 285-286.
16. *Зайцев Б.К.* Жизнь Тургенева. С. 50. См. также: *Кара-Мурза А.А.* Знаменитые русские о Риме... С. 196-199.
17. *Кара-Мурза А.А.* Иван Сергеевич Тургенев... С. 286-287.
18. Там же. С. 287.
19. Там же.
20. Там же. С. 287-288.
21. Там же. С. 288.
22. Там же. С. 288-289.
23. Там же. С. 289.
24. Там же. С. 289-290.
25. Там же. С. 290.

26. Там же.
  27. Там же. С. 291.
  28. Там же. С. 291-292.
  29. Там же. С. 292-293.
  30. Там же. С. 293.
  31. Там же. С. 293-294.
  32. Там же. С. 294.
  33. Там же.
  34. Там же.
  35. Там же. С. 294-295.
  36. Там же. С. 295.
  37. *Стасюлевич М.М.* Из воспоминаний о последних днях И.С. Тургенева и его похороны // Вестник Европы, 1883, № 11. С. 150.
-

References:

1. Grevs I.M. Turgenev i Italiya (kul'turno-istoricheskij ehtyud). L., izdatel'stvo Brokgauz-Efron, 1925. – 152 p.
2. Zhukova O.A. K intellektual'noj istorii russkogo evropeizma // Filosofskie nauki. 2014. № 1. pp. 103–115
3. Zhukova O.A. Filosofiya kul'tury Nikolaya Stankevicha: k voprosu o russkom evropeizme // Voprosy filosofii, 2014, № 7. pp. 81–89.
4. Zajtsev B.K. Zhizn' Turgeneva // Zajtsev B.K. Sobranie sochinenij v pyati tomakh. T. 5. M., Russkaya kniga, 1999. pp. 36.
5. Kara-Murza A.A. Znamenitye russkie o Rime. M., Izdatel'stvo Ol'gi Morozovoj, 2014. – 496 p.
6. Knabe G.S. Turgenev, antichnoe nasledie i istina liberalizma: Sravnitel'naya poehtika // Voprosy literatury, 2005, № 1. pp. 84-123.
7. Polonskij Ya.P. I.S. Turgenev u sebya v ego poslednij priezd na rodinu // I.S. Turgenev v vospominaniyakh sovremennikov. T. 2. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1983. – 555 p.
8. Rossijskij liberalizm: idei i lyudi (obsch. red. A.A. Kara-Murzy). M., Novoe izdatel'stvo, 2018, t. 1. – 680 p.
9. Stasyulevich M.M. Iz vospominanij o poslednikh dnyakh I.S. Turgeneva i ego pokhorony // Vestnik Evropy, 1883, № 11. pp. 140-150.

И.С.Тургенев как политический мыслитель (к 200-летию со дня рождения)

Кара-Мурза Алексей Алексеевич

Институт философии РАН

Российская Федерация, Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1

Аннотация

Школьный курс предложил нам образ И.С. Тургенева, как «писателя русского быта», далекого от глубокого понимания политических процессов. В статье предлагается иной образ Тургенева – как интеллектуала широкого диапазона, профессионально и глубоко изучившего всемирную историю (прежде всего, политическую историю древней Греции и Рима), прекрасно ориентировавшегося в современной ему русской и европейской политике, и как человека, убежденно называвшего себя «постепеновцем», «либералом старого английского покроя».

Ключевые слова: русская культура, философия российской истории, политика, политическая мысль, русская интеллигенция, либерализм

Дата публикации: 08.11.2018

Ссылка для цитирования:

Кара-Мурза А. А. И.С.Тургенев как политический мыслитель (к 200-летию со дня рождения) // Полилог/Polylogos. – 2018. – Т. 2. – № 3. URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110000050-7-1/>. DOI: 10.18254/S0000050-7-1